

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Л. М. Демкин

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО БРУНЕЯ

Бруней (площадь всего лишь 5765 кв. км) охватывает два маленьких анклава на побережье Северного Калимантана, расчлененные малайзийским коридором — долиной р. Лимбанг. В противоположность Сараваку и Сабаху, вошедших в качестве федеральных штатов в Малайзию и тем самым покончивших с политической зависимостью от Англии, Бруней «предпочел» остаться британским протекторатом. Это «решение» было подсказано англичанами, оказавшими давление на султана и сделавшими все возможное для сохранения своего господства.

Такая позиция определялась значительными нефтяными богатствами султаната. С 1913 г. они эксплуатируются англо-голландской монополистической компанией «Ройял датч-Шелл» (в лице ее дочерней фирмы «Бруней шелл петролеум компани»), являющейся фактическим хозяином султаната. Протекторат в данном случае — просто наиболее удобная форма господства, прикрытого ограниченной автономией и марионеточным султаном, т. е. внешними атрибутами местной государственности. В целях укрепления своей реальной власти британские колонизаторы заигрывают с феодально-бюрократическими и клерикальными консервативными силами, готовы делиться некоторой частью своих доходов с султаном и его окружением.

Современное британское господство в Брунее — это не классический колониализм, а неоколониализм, модернизированный и приспособленный к духу времени.

Общей линии неоколониалистской политики соответствуют и мероприятия в области просвещения и культуры.

В послевоенные годы малайский язык был объявлен официальным государственным языком султаната. Даже на обочинах дорог появились щиты с призывами «Пользуйтесь малайским языком!».

Определенные сдвиги произошли и в области просвещения. Во время своего посещения Брунея в апреле 1969 г. автор статьи имел возможность встретиться с главой директората просвещения англичанином Мак Айнессом и получить от него ценное информационное издание, содержащее обширный статистический материал — отчет директората о развитии образования в Брунее за 1964—1966 гг. [4]. Эта книга позволяет проследить развитие современного народного образования в стране. И хотя, как и в прочих официальных изданиях, в этом отчете в первую очередь подчеркиваются успехи и достижения, есть в нем и критический материал.

Длительное время в протекторате вообще не было общеобразова-

тельных школ, доступных хотя бы для состоятельных малайцев. «Очень трудно найти в Брунее малайца, который умел бы читать и писать, — цитируется в отчете официальный документ 1911 г. — Поэтому приходится привлекать малайцев для несения службы из-за границы» [4, 1]. В этом же году впервые был поставлен вопрос об открытии первой современной школы.

Однако сделано это было только в 1914 г., на 26-й год установления протектората. В нее записалось лишь 40 мальчиков [4, 1]. Девочки впервые стали посещать школу только в 1930 г., т. е. на 42-м году господства англичан. В 1932 г. их было всего лишь 13 из общего числа 794 детей, посещавших школу. И долго еще девочки составляли ничтожно малый процент всех учащихся¹ [4, 1]. Доклад директора просвещения не дает никакого основания полагать, что власти проводили какую-либо разъяснительную работу среди мусульманского населения с целью помочь преодолеть предубежденность жителей султаната, не склонных посылать девочек в школы по религиозным мотивам.

После второй мировой войны количество школ в Брунее и соответственно число учащихся стало довольно быстро расти. Было введено бесплатное обучение. В г. Брунее открылся небольшой учительский колледж. «Бруней шелл петролеум компани» открыла в Сериа² собственную школу по подготовке младших технических специалистов, механиков, электриков. Стали появляться школы и курсы по ликвидации неграмотности для взрослых. Общее число всех этих школ составляет сейчас около 140. В 1968 г. в них обучалось свыше 34 тыс. человек [1, 100], т. е. около четверти всего населения, что является относительно высоким процентом. Большинство школ государственные. Только несколько учебных заведений принадлежат религиозным миссиям, англиканским и католическим, а также частным фирмам. По языку обучения подавляющее большинство школ малайские, остальные — английские и китайские. Последние в отличие от малайских и английских финансируются правительством султаната не полностью, а лишь частично.

Доклад директора просвещения дает лишь относительно старые цифры бюджетных ассигнований на нужды просвещения, относящиеся к 1966 г. Тогда они составили 11,4% всего бюджета султаната, или около 13 млн. местных долларов [4, 18]. Кроме того, некоторая сумма выделялась на школьное строительство.

В Брунее принята английская система образования, при которой общая продолжительность обучения в школе, включая и двухгодичную высшую ступень средней школы, или предуниверситет, составляет 13 лет. Столь длительный срок среднего образования ставит лишние преграды на пути в университет для молодежи из неимущих слоев. По данным на 1968 г., всего лишь 67 брунейцев обучались в университетах и институтах, преимущественно в странах Британского содружества. Своего высшего учебного заведения в Брунее нет.

Расширение сети школ привело к некоторому росту брунейской интеллигенции, к активизации деятелей местной культуры.

Одним из заметных культурных центров султаната стала первая малайская средняя школа г. Брунея³. Некоторые из учителей школы выступают как литераторы. Школа издает ежегодники, в которых наряду с официальными материалами об учебной и общественной школьной жизни публикуются также стихи, рассказы, статьи учеников. Здесь

¹ В 1966 г. девочки составляли 45,8% всех школьников [см. 4, 62].

² Центр нефтедобывающей промышленности в Брунее.

³ Автор статьи посещал школу, беседовал с ее директором и учителями. По словам директора, в ней обучалось около 1300 учеников, в том числе около 400 девочек.

создано научное лингвистическое общество — Совет языка и письменности. Его главная цель — способствовать развитию малайского литературного языка, пропагандировать его. Эта организация издала небольшой коллективный сборник стихов местных поэтов «Призыв» [3]. Все они работают в школе в качестве учителей малайского языка. Это люди одного поколения (каждому около тридцати лет), выпускники Брунейского учительского колледжа⁴.

В стихах этих авторов наряду с лирикой встречаются и гражданские мотивы. Таково, например, стихотворение Исма «Революция» [3, 12]. В нем поэт призывает народ воспрянуть духом, символами напоминает о славных днях независимости.

Примечательно другое стихотворение того же поэта. Называется оно «Палач» [3, 15]. В дословном переводе оно звучит примерно так:

Ты захватил царский престол
И деспотично правишь.
Мир никогда не улыбнется.
Людей обрекают на смерть.

Это выразительное четверостишие можно истолковать как осуждение всякой тирании, деспотизма, попрания прав народа, косвенно адресованное колонизаторам.

Стихотворение Исма «Отчизна» проникнуто печалью за судьбу родины, за страдания народа [3, 18].

Аналогичной тематике посвящены и некоторые произведения Нурилхама. Одно из его стихотворений озаглавлено «Требуем независимости» [3, 34]. В другом поэта волнует, что во Вьетнаме льется кровь, гибнут мирные люди, хотя поэт и не видит, кто истинный виновник страданий народа [3, 36].

Совет языка и литературы школы издает также журнал «Riak. Madyalah Bahasa dan pusaka» («Морская зыбь. Журнал по проблемам малайского языка и литературы»). В нем публикуются статьи, пропагандирующие важность изучения и внедрения в жизнь малайского языка, а также различные литературные материалы.

Заметным событием в культурной жизни Брунея стало открытие в 1961 г. по образцу аналогичного учреждения в Куала-Лумпуре Института языка и литературы (Деван бахаса дан пустика). Его здание, украшенное яркими фресками, символизирующими развитие науки и прогресса, находится в центре г. Брунея рядом с правительственными учреждениями.

Его штат должен состоять из 76 научных, административных и технических сотрудников. Но фактически наличный персонал намного меньше⁵.

Главная задача этого научного учреждения — всемерно содействовать развитию малайского языка, литературы, культуры в целом. В составе института имеются отделы исследования культуры, литературы, развития языка, переводов, терминологический, а также библиотека. Здесь ведется как исследовательская, так и издательская работа — выпускаются книги и журналы на малайском языке для взрослых и детей. Это дает возможность брунейским литераторам публиковать свои про-

⁴ Исма (настоящее имя Авангку Сабму бин Пенгиран Хаджи Мохамед Саллех), Мас (настоящее имя Авангку Махмуд бин Пангиран Дамит), Нурилхам (настоящее имя Мохаммад Абдул Латиф) и Хаялинда (настоящее имя Мохаммад Шах Имам Ахмад).

⁵ Со структурой института его директор познакомил автора в личной беседе. ¶

изведения, содействует развитию местной литературы на малайском языке.

Отряд брунейских литераторов пока не велик. Несколько условно их можно разделить на две группы. Первая, более радикально-националистического направления, группируется вокруг первой малайской средней школы. О ее представителях речь шла выше. Вторая, отличающаяся консервативно-мусульманским направлением, группируется вокруг Института языка и литературы. К ней относятся прежде всего его директор Мохамед Джамил, затем Бахаруддин Иго, отправившийся учиться в мусульманский университет в Каире, Яхья Фуис, служащий управления по делам религии, Юрах Халим, прозаик и историк, один из соавторов истории Брунея [8].

Написанная Юрахом Халимом и Джамилем Умаром и изданная в 1958 г. с предисловием самого султана «История Брунея» доводится до конца XVIII в. Эта небольшая по объему книжка составляет лишь первую часть более широкого исторического курса, который должен быть доведен до наших дней. Однако последующие тома до сих пор не выпущены. Видимо, свою роль в этом сыграли и сложности, связанные с более или менее объективным освещением истории султаната в период британской колонизации. Изданная первая часть курса принята в качестве школьного учебника, она преподается в начальной школе, являясь введением ко всеобщей истории.

Сам директор Института языка и литературы Мохамед Джамил (полное его имя Падука Хаджи Мохамед Джамил бин Пехин Удана Хатыб Аванди Хаджи Умар) — серьезный литературовед, занимающийся исследованием и публикацией старинных брунейских литературных памятников. Несколько лет назад он издал стихотворную историческую хроника «Шаер Ракис» [5]. Написал ее традиционным поэтическим размером принц Шахбандар Мохамед Саллах ибну Пенгиран Шармаюда. В предисловии Мохамеда Джамила рассказывается об авторе произведения. Это был один из членов царствующей династии, живший в конце XVIII — начале XIX в. Биография этого принца известна лишь по устным преданиям, передаваемым из поколения в поколение. Судя же по характеру его яркого произведения, он был образованным для своего времени человеком. Поэма повествует о драматических событиях начала XIX в., участником и очевидцем которых был автор: упадке Брунейского султаната, распрях в Сараваке, появлении на политическом горизонте предпринимчивого авантюриста Джемса Брука, сумевшего захватить с помощью интриг и обмана значительную территорию Брунея. Поэма читалась не только при дворе султана. Она переписывалась от руки и была довольно широко известна среди брунейского общества. Язык поэмы, довольно высокопарный, заметно отличается от современного разговорного языка. Поэтому в издании дается специальное приложение — словарь терминов и пояснений.

Интересную работу осуществляет терминологический отдел института. Дело в том, что издание различной литературы на малайском языке поставило перед сотрудниками института серьезную проблему: в местной малайской лексике не оказалось целого ряда терминов из области техники, медицины, географии, социально-политических наук. Терминологический отдел занялся выработкой необходимой научной лексики. Иногда образуются новые слова и словосочетания на основе существующей малайской лексики, иногда берутся общепринятые международные выражения, обычно в их английском варианте.

Другое интересное научное учреждение Брунея — Национальный музей. Возглавляет его принц Шарифуддин, дальний родственник султана.

В течение ряда лет он работал в музее Саравака в Кучинге под руководством Тома Харрисона, крупнейшего английского этнографа и антрополога, хорошо известного и в советских научных кругах⁶.

Музей был создан в 1963 г. и сначала находился в ведении английского чиновника. В начале 1965 г. музей получил статус департамента государственного секретариата (так называется министерство в правительстве султаната, ведающее вопросами внутреннего управления). Во главе его был поставлен куратор (директор)⁷. Музей имеет исследовательский, археологический, естественный и этнографический отделы, небольшую библиотеку, располагает штатом научных и технических сотрудников из 21 человека.

За последние годы музей значительно пополнился. В 1967 г. была куплена в Кучинге за 135 тыс. местных долларов коллекция фарфора, драгоценных камней и изделий из нефрита. Она считается одной из лучших среди подобных коллекций в Юго-Восточной Азии. Затем было приобретено в центре Сабаха Кинабалу за 28 тыс. местных долларов интересное собрание китайских изделий из медных сплавов. В числе других пополнений можно упомянуть коллекцию старинных золотых украшений (приобретены за 10 тыс. долл.). В свое время предметы этой коллекции были найдены в Лимбанге в результате эрозии почвы. Как свидетельствуют местные издания, все эти собрания были приобретены по совету Тома Харрисона [см. 6, 307—311].

В настоящее время музей размещается во временном помещении в центре города. Для обозрения выставлена лишь незначительная часть предметов в двух небольших комнатах. Остальное систематизировано в хранилищах. В живописной местности на высоком берегу р. Бруней строится новое здание Национального музея. Судя по возведенному бетонному каркасу, это будет большая и красивая постройка с просторными залами. Брунейские власти рассчитывают сделать музей одним из объектов, привлекающих туристов.

В коллекциях музея хорошо представлены бронза и медь, различные предметы быта, домашняя утварь, украшения — всего более 300 различных старинных образцов. В прежние времена Бруней славился своим искусством художественной обработки бронзы. Брунейские мастера были искусными литейщиками, оружейниками, ювелирами. Знакомясь с экспозициями музея, мы видим следы, а иногда и одновременные напластования различных влияний: китайского, индо-яванского, древнеиндийского, индо-мусульманского, арабского. Это наглядные свидетельства широких международных связей Брунея, торговых и культурных⁸.

Искусство мусульманского Брунея не отличалось той строгой ортодоксальностью, которая была характерна для многих других мусульманских народов⁹. Ислам не смог здесь подавить прежних художественных традиций, складывавшихся под заметным влиянием тех ведущих стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, с которыми Бруней был втянут в оживленные торговые и культурные связи. На многих предметах мы видим изображение вполне реальных животных: буй-

⁶ В последние годы, оставив работу в музее Саравака, Том Харрисон читает лекции в одном из университетов США.

⁷ С организацией музея автора познакомил в личной беседе его директор Шарифуддин [см. также 7].

⁸ Упоминание о Брунее встречается еще в раннесредневековых китайских хрониках [см. 2, 101—103]. Через него проходили важные морские торговые пути из Индии и индонезийских государств, Шривиджайи и Маджапахита, к южным берегам Китая.

⁹ Описание коллекций музея дается на основе личных впечатлений [см. также 7].

волов, крокодилов, птиц — явление, явно противоречащее художественным канонам ортодоксального ислама. Некоторые из предметов коллекции украшены рельефными фигурами сказочных драконов — явный признак китайского влияния. Влияние древнеиндийского искусства проявляется в часто повторяющемся мотиве лотоса. Нередко сосуды, блюда, чаши, крышки сосудов выполнены в виде этого цветка. Арабское и индо-мусульманское влияние сказывается в неоднократно встречающемся измельченном и строго детализированном орнаменте, геометрическом или растительном. Иногда можно встретить наложение различных культурных влияний в одном и том же предмете, произведении прикладного искусства. Такого рода предметы с художественно-эстетической точки зрения выглядят, может быть, эклектичными, лишенными стилистической цельности и выразительности. Но они интересны как наглядные свидетельства столкновения в искусстве Брунея различных культурных влияний, сочетания разных художественных школ и тенденций.

Богато представлена различная китайская утварь: сосуды, вазы, блюда, чаши, а также безделушки, статуэтки и т. п. Среди них изделия из фарфора, фаянса, различных сортов камня. Они свидетельствуют о довольно оживленных связях Брунейского султаната с китайской империей. Предметы искусства Китая пользовались широким спросом у представителей местной феодальной верхушки. Немало предметов выполнено брунейскими мастерами, пытавшимися создать копии или варианты китайских образцов. Большие бронзовые сосуды китайской или местной, но в китайском стиле, работы используются некоторыми даякскими племенами для хранения ценных домашних вещей. Они служат и своего рода показателем достатка в доме.

Интересна также коллекция старинной керамики. Древнейшие из предметов относятся к XI—XIV вв. Этнография представлена различными предметами быта, религиозного ритуала, искусства народов Малайзии и Брунея. Имеются примитивные деревянные скульптуры аборигенов Малаккского полуострова, образцы оружия, в том числе даякские духовые ружья — сумпиты (длинная деревянная трубка, через которую охотник выдувает отравленную стрелу), образцы одежды. Особенно хорошо представлены предметы быта малайцев и даяков Северного Калимантана. На больших панно воспроизведены образцы даякского традиционного орнамента. Таким орнаментом даяки украшают свои продолговатые выпуклой формы, сделанные из дерева боевые щиты, архитектурные детали жилищ и другие предметы. Здесь можно увидеть гроб даякского вождя¹⁰, расписанный подобным же узором симметрично расположенных плавных линий и украшенный также фигурами людей. Среди других предметов этнографического отдела интересна куртка-кольчуга из раковин — традиционный тип одежды мурутов, лесного даякского племени Сабах.

Музей располагает богатой коллекцией образцов старинной артиллерии XVII — начала XIX в. (более 300 единиц), стрелявшей оловянными ядрами. Брунейские мастера в свое время славились искусством пушечного литья. Некоторые из представленных здесь старинных пушек и пищалей¹¹ — настоящие произведения искусства. Малые орудия служили, вероятно, скорее модными безделушками. Среди них попадаются интересные образцы, украшенные рельефными изображениями крокоди-

¹⁰ Даякские племена, обитающие в джунглях Калимантана, не хоронят умерших, а оставляют в лесу на помосте, на высоких столбах.

¹¹ Пищальное малокалиберное длинноствольное орудие. Обычно его казенная часть делалась многогранной, дульная, заканчивающаяся раструбом, — цилиндрической.

лов, буйволов и других животных. Встречаются даже крупные пищали, выполненные в виде туловища крокодила. Нередко орудие украшалось рельефным узором, орнаментом. В коллекции представлены и двухствольные спаренные пищали.

Собрания музея представляют большой научный интерес, давая довольно широкое представление об истории материальной культуры народов Северного Калимантана, в первую очередь Брунея. Музей поддерживает связи с музеями и научными учреждениями других стран, преимущественно Британского содружества: Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура; является членом их различных научных обществ и ассоциаций¹². Осуществляется также тесное сотрудничество с музеем Саравака в Кучинге [6, 310—311]. В 1967 г. три сотрудника музея проходили научную стажировку за границей (один из них в Окленде, в Новой Зеландии, двое других при Национальном музее Малайзии в Куала-Лумпуре).

Несамостоятельность Брунея в области внешних сношений затрудняет возможность контактов его научных учреждений, Института языка и литературы и Национального музея с аналогичными учреждениями других стран, и в частности Советского Союза.

Создание Института языка и литературы и Национального музея, а также расширение сети школ осуществлены правительством Брунея при непосредственной помощи англичан. Содействуя созданию этих учреждений, открытию новых школ, британские неокolonизаторы делали определенную уступку брунейской интеллигенции, а заодно стремились в рекламно-демагогических целях выставить себя в роли гуманных и заботливых просветителей. Но каковы бы ни были при этом побуждения англичан, все эти мероприятия, объективно говоря, ведут и к определенным позитивным результатам. Появление новых литературных произведений брунейских авторов, пропагандирование малайского языка, активизация творческой деятельности определенного круга образованных брунейцев — все это не может не способствовать развитию национального самосознания, националистических тенденций среди брунейского общества, особенно интеллигенции.

Оценивая общую картину просвещения в Брунейском султанате, нельзя отрицать реальных фактов. В Брунее относительно много школ и учащихся, школы неплохо оборудованы, учителя достаточно подготовлены для своей педагогической миссии, высок процент грамотности среди населения. Это также, без сомнения, способствует развитию национального самосознания в брунейском обществе.

Можно ли на основании вышеизложенного делать вывод о какой-то брунейской исключительности? Отнюдь нет. Бруней — страна нетипичная для Юго-Восточной Азии, и поэтому всякие параллели или сравнения с другими странами этого района вряд ли будут характерны и показательны. Брунейский султанат — маленькая страна с относительно высоким общим национальным доходом, который дает ей доля участия в прибылях от эксплуатации нефтяных источников. И хотя в основном эти прибыли идут в карман монополистов и отчасти местной феодально-бюрократической верхушки, кое-что перепадает и на нужды просвещения и культурных учреждений. Ведь эта сфера может служить наиболее зримым подтверждением мифа о процветании Брунея под протекторатом англичан, их пресловутой просветительской миссии, тем более что для поддержания такого мифа требуются по брунейским масштабам не

¹² Британской музейной ассоциации, Общества охраны природы, Малайского отделения Королевского общества, Исторического общества Малайзии и др.

ахти какие солидные средства. При этом нельзя забывать и о заинтересованности «Бруней шелл петролеум компани» и местной администрации в подготовке для своего аппарата грамотных младших служащих и технических специалистов. Определенные затраты неокolonизаторов на просвещение преследуют и еще одну цель — оказать влияние на молодежь Брунея, воспитать из нее свою опору. В центре г. Брунея на средства правительства султаната возведено большое здание молодежного центра. Это одновременно клуб, конференц-зал и штаб скаутских организаций.

О стремлении англичан влиять на местную молодежь свидетельствует следующий факт. Автор этой статьи смог посетить английский колледж в столице султаната и познакомиться со школьными изданиями. Колледж, возглавляемый директором-англичанином, издает большой ежегодник, в котором публикуются официальные материалы, хроника школьной жизни, статьи, стихи, очерки учащихся, заметки о работе различных ученических кружков. В ежегоднике за 1968 г. помещены материалы школьного дискуссионного клуба, и в частности статья одного из старшеклассников под претенциозным заголовком «Коммунизм — главная угроза стабильности в Азии и районе Тихого океана» [9, 58]. Тон этой статьи, написанной, очевидно, не без помощи преподавателей-англичан, выдержан в духе банальных формул западной антикоммунистической пропаганды.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что маневры британских неокolonизаторов в Брунее, в частности некоторые уступки национальной интеллигенции, не достигли своей цели. Народ этой маленькой страны не желает мириться с любой формой колониального господства и требует национальной независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brunei (progress and development), Brunei, 1968.
2. Groeneveldt W. P. Historical notes on Indonesia and Malaya, Djakarta, 1960.
3. Isma A. S., Noorilham, Mas M. [., Hayalinda M. S. Deru. Koleksi sajak-sajak, Bandar Berunai, 1967.
4. Jabatan Pelajaran Negeri Brunei. Laporan tiga tahun 1964—1966, Education department, State of Brunei.
5. Pengiran Shahbandar M. Salleh, Sha'er Rakis, Brunei, 1965.
6. State of Brunei. Annual Report 1967, Brunei, 1968.
7. Upatjara pembukaan resmi pameran muzium Brunei, Brunei, 1966.
8. Yurah Halim, Jamil Umar Sedjarah Brunei, I, Brunei, 1958.

Журналы

9. Seri Berunai. Annual College Magazine, 1968.